

*О.Д.Куценко,
кандидат философских наук,
Харьковский национальный университет,
Украина*

Расколотовое общество? Социальные эффекты институциональных изменений

Важнейшим результатом трансформационного процесса и реформистской политики в постсоветских обществах последних лет стала институционализация элементов рыночных отношений и формирование на этой основе специфических социальных ресурсов и социоэкономических позиций. Что это означает для общества или какие социальные эффекты становятся-

ся следствием данных институциональных изменений? Представляется, что эти вопросы имеют принципиальный характер, поскольку затрагивают глубинные основы изменяющегося социального пространства. Адекватно же ответить на них невозможно без понимания сложной природы и качественных особенностей происходящих социальных сдвигов. Последние, с одной стороны, становятся результатом компенсации тех структурно-культурных "провалов", которые содержала в себе социальная система советского типа; на этой основе появляются новые черты, альтернативные советской системе. С другой стороны, происходящие изменения касаются некоторых черт общества советского типа, продленных во времени и трансформированных в отдельных аспектах. Такие социальные инверсии не просто накладывают серьезный отпечаток, но определяют специфику постсоветского общества, которая обнаруживается как в структурных, так и в культурных изменениях.

Институционализацию элементов рынка как раз и можно рассматривать в качестве компенсаторной реакции индустриального общества советского типа, которое к определенному времени исчерпало свои внутренние ресурсы и вынуждено было заняться поиском необходимых новых ресурсов развития. Открытие каналов рыночного обмена, формирование структур и правил его осуществления оказали воздействие на широкомасштабную "компенсацию" деформированности советской социальной структуры, которая естественным образом вытекала из ущемленных экономических и властных отношений. Под ущемленностью мы понимаем тотальность реализации лишь одной из сторон сложных по своей природе общественных феноменов, что было возможно лишь при насильственном институциональном ограждении таких форм.

Тотальность государственной формы собственности и партийно-бюрократических структур влияния были одновременно как фактором, так и результатом доминирования в обществе советского типа единственного реального социального класса — "номенклатуры". Данному социальному образованию были присущи все признаки класса как реальной социальной силы, обладающей специфическими ресурсами, габитусом, способностью рационально действовать и существенно влиять на общество. Причем классу номенклатуры не было реальной альтернативы, поскольку он доминировал, условно говоря, по отношению к тотальной социальной массе. Последняя была лишь слабо гетерогенна и структурирована больше по горизонтальным, чем по вертикальным критериям. Проявляющиеся в ней социальные слои характеризовались зависимым положением от государственных организаций (производственных, распределительных, контролирующих и др.) как своеобразных созеренгов и не обладали достаточными экономическими, социальными, символическими ресурсами влия-

ния на общественные процессы. Будучи включенными в общество, социальную ткань которого они представляли, они в то же время находились в состоянии социального отчуждения, связанного с невозможностью влиять на процессы социальных изменений. Именно в такой безальтернативной доминации класса номенклатуры и заключалась ущербность советского общества — общества, отчужденного от самого себя, не узнающего себя в продуктах своего функционирования и в силу этого вынужденного создавать специфическую мифологию, оправдывающую "зазеркальность" собственной реальности.

Постсоциалистическая трансформация и стала разворачиваться как стихийный процесс "выравнивания" социального пространства, ранее стянутого к одному социальному полюсу. При этом под "выравниванием" мы понимаем возвращение к сложности, многомерности, вероятности, эмерджентности, имманентно присутствующим сложному социальному явлению. Такой компенсаторный процесс стал возможным на основе одновременного процесса приватизации, институционализации элементов рыночных и демократических отношений. В этих процессах стала получать активный выход "рыночная энергия" общества, ранее скрытая в тени и сдавленная мощными пластами институциональных барьеров общества советского типа. Выход такой энергии проявляется в активном поиске каналов, форм реализации рыночно-ориентированного деятельностно-культурного потенциала общества. В структурном плане это находит выражение в накоплении специфических социальных позиций и социальных практик, основу которых определяют ресурсы, обеспечивающие конкурентоспособность. Данные процессы монополизировали традиционные для общества советского типа социально-экономические позиции. Усиление институционального давления "рыночной энергии" вызвало как частичное разрушение, в том числе маргинализацию, деятельностно-культурных позиций внерыночной направленности, так и сопротивление их носителей. Этот процесс имеет несколько существенных социальных следствий.

Первое. Эффектом такого развития становится изменение форм социального отчуждения и формирование социально-экономического порога эксплуатации, в отличие от организационно-бюрократического порога, присущего обществу советского типа. При этом под эксплуатацией мы понимаем, вслед за Дж.Ромером¹, возможность извлечения выгоды, которую получают определенные группы через доступ к избыточным социальным благам в ущерб другим группам, включенным в совместную деятельность.

---

¹ Roemer J.E. A General Theory of Exploitation and Class. Cambridge (Mass.). Harvard University Press, 1982.

Меняются формы социального отчуждения. Отчуждение в советском обществе носило, по сути, тотальный характер, но вместе с тем проявлялось в символических превращенных формах. Эти формы средствами идеологии камуфлировали реальное содержание отношений, легитимизировали последние и тем самым затушевывали социальную проблему преодоления отчуждения. В результате институционализации рыночных отношений и специфических рыночных ресурсов был в значительной мере снят идеологический "камуфляж" с процессов социального отчуждения и преодолена его тотальность, т.е. в обществе были открыты разнообразные каналы активного социального включения. Вместе с тем масштабы распространения социального отчуждения остаются широкими. Объективное основание этого — отсутствие доступа значительной доли населения к производительным (в широком смысле) ресурсам и ресурсам влияния, сохранение разрыва между носителями власти и всем остальным обществом. Субъективное — распространенные в постсоветском обществе чувства социального бессилия, социальной изолированности, утраты смысла, самоотстраненности от общества¹. По данным Института социологии НАН Украины, в 1998-1999 гг. более 70% граждан страны испытывали чувство полной либо частичной социальной невостребованности, более трети не были удовлетворены своей социальной отдачей². В такой социальной среде актуализируется проблема преодоления социального отчуждения, стимулируется конфликтное восприятие общественных отношений теми, кто испытывают ту или иную меру отчуждения от общества. Данная почва становится источником двух основных реакций: либо протестной социальной мобилизации, либо возникновения и расширения феномена социального исключения, формирования структурных и культурных позиций бедности. Последнее, по Э.Гидденсу, представляет собой "механизм, отдаляющий группы людей от главного социального потока"³.

Второе. Следствием открытых форм социального отчуждения, роста протестной социальной мобилизации и социального исключения становится модернизация основной линии социального раскола общества (в терминологии СРоккана⁴), существовавшего в советский период в латентной и измененной форме. Сегодня это —

¹ Использована шкала для измерения субъектных аспектов отчуждения М.Симана: *Seeman M. On the Meaning of Alienation // American Sociological Review. 1959. Vol. 24. P. 783-791.*

² Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін (1994-1999 р.) / Інформ.-аналітичні матеріали. Київ: Інститут соціології НАН України, 1999. С 200.

³ *Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Polity Press, 1998. P. 104-105.*

⁴ *Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives / Ed. S.M.Lipset, S. Rokkan. N.Y.: Free Press, 1967. P. 1-67.*

раскол между позициями социального включения/исключения, а более конкретно — между деятельностно-культурными позициями, одна из которых сфокусирована на рыночных механизмах социального участия, а другая — ориентирована на государственную поддержку и соответствующие механизмы социального включения. Данные позиции формируют различные социальные миры, представленные разными социальными акторами, их хабитусами и практиками. Позиции одного мира связаны с ориентацией на жизненный успех и индивидуальные ресурсы его достижения; позиции другого — с ориентацией на выживание и внешние от индивида условия его обеспечения. Представители первого мира в лице значительной части чиновников госаппарата, бизнесменов и предпринимателей, небольшой части высококвалифицированных специалистов, а также тех, кто подпадает под определение "мафии" (согласно массовым представлениям населения Украины¹), играют существенную роль в определении государственной политики. Роль и влияние других — незначительны. Первый социальный мир ориентирован на полный переход общества к рынку; второй — на возврат общества к доперестроечному состоянию. Вес данных миров в Украине, по грубым оценкам, составляет соответственно более 20% и около 40% населения страны²; в то время как примерно 40% занимают маргинальное положение.

Третье. Модусом взаимодействия двух социальных миров, их диспозиций, ресурсов и практик, стала активная символическая борьба за легитимацию специфических дискурсов рынка. Для постсоветского общества новым явлением стали не столько рыночные отношения, превращенные или неразвитые формы которых существовали и в прошлом состоянии общества, сколько дискурс рынка. Неофициальный дискурс блата, привилегий, спекуляции, бартера как формы теневого рыночного обмена и т.п., отражавший реальность неформальных экономических отношений в советском обществе, в постперестроечный период был легализован, развит, очищен от многочисленных извращенных форм. Данный дискурс получил иную номинацию в смысловом поле предпринимательской инициативы и был существенно расширен новыми формами. Вместе с тем до настоящего времени он тянет за собой значительный "след" смыслового поля "теневой" экономики и все еще продолжает параллельно существовать с антирыночным дискурсом. Концентрированным выражением данных дискурсов является позитивная или негативная социальная оценка рыночных механизмов экономики и частного предпринимательства как таковых. По последнему показателю соотношение распространенности названных дискурсов в украинском обществе в 1999 г. выглядело как 46 : 26³, что близко

---

¹ Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін (1994-1999 р.)... С 188.

² Там же. С 186.

³ Там же.

обратному соотношению по показателям социальной оценки рыночных механизмов. Установление устойчивой доминанции одного из дискурсов, с нашей точки зрения, будет означать завершение социально-экономического перехода постсоветского общества к какой-то качественной определенности.

Четвертое. Символическое противостояние, борьба за ресурсы и легитимация дискурсов получают наиболее яркое выражение в политической форме, особенно в периоды избирательных кампаний. В таком социальном противостоянии происходит формирование классовой системы постсоветского общества как системы альтернативных социальных сил, артикулирующих свои интересы, находящихся в состоянии динамического взаимодействия и способных существенно влиять на процесс трансформации общества.

Проявившийся в постсоветской Украине и, возможно, других подобных обществах социальный раскол является почвой формирования двух основных потенциальных классовых позиций, находящихся над и под порогом возможного социального отчуждения и социально-экономической эксплуатации, отражающих противоположные рыночные и трудовые ситуации (в терминологии Дж.Голдторпа¹) и продуцирующих различные хабитусы и социальные практики. Оба социальных образования, занимающих данные позиции и персонифицирующие отношения социального раскола, являются многочисленными и формируют организационные механизмы активности. Накопившееся противостояние между ними получает мощные выплески в периоды избирательных кампаний. Такие проявления позволяют определять данные социальные образования, как (прото-)классовые образования рышочной и внерышочной направленности, обладающие существенной социальной силой. Эти образования внутренне неоднородны и находятся в процессе классоформирования. Формирование класса — это не реализация последовательной цепочки: ресурсы — структурные позиции — сознание — действие. Это, следуя Э.Гидденсу и П.Бурдьё, — результат процесса взаимного определения структуры и культуры, структуры и действия², который находит выражение во взаимном стихийном согласовании, кооперации социальных действий тех, кто занимают сходные социальные позиции и обладают подобными жизненными шансами и мотивационными структурами сознания.

Социальные перспективы формирующихся классовых образований различны, что хорошо просматривается в эмпирических материалах, полученных в ходе социологических исследований украинского общества. Идентификация данных классовых образований

¹ Goldthorpe J. H. Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. The Affluent Worker in the Class Structure. Cambridge. Cambridge University Press, 1969. P. 15.

² Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Polity Press, 1984. P. 281-354; Бурдьё П. Структуры, Хабитус, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 17—26.

на примере социального пространства крупного города¹ была осуществлена автором методом кластерного анализа с использованием следующих показателей: ориентация на альтернативные идеалы общественного устройства (социализм советского типа/капитализм), предпочтение пути экономического развития общества (антирыночный, рыночный, смешанный), отношение к социальным неравенствам (допускают/не допускают), оценка социальных ролей бизнеса и частного предпринимательства (позитивная/негативная). Эффективным критерием разведения данных социальных образований является также характер восприятия социальной справедливости (по шкале социализма/либерализма).

Классовые образования рыночной направленности отличает активное социальное включение в общество. Они объединяют прежде всего индивидов, которые обладают такими комбинациями социально значимых ресурсов (организационные ресурсы, собственность, культурный, социальный капиталы, авторитет, ресурсы личности), которые могут быть сегодня использованы в достижении индивидуального жизненного успеха. Преимущественный социальный состав данной группы — функционирующая элита и субэлитные группы, работодатели, руководители и управляющие крупных предприятий и организаций, государственные (в том числе региональные) чиновники более высоких рангов, предприниматели разных категорий, а также значительная часть высокообразованных специалистов (особенно технического профиля) и студенчества. Подавляющая часть данной комплексной группы смогла воспользоваться новыми возможностями, которые появились в обществе в процессе институционализации рыночных отношений, и обеспечить себе достаточно оптимистичные жизненные шансы. Значительная часть представителей группы сумела конвертировать имевшиеся у нее ранее организационные и социальные ресурсы в экономические (прежде всего через механизмы номенклатурной приватизации), культурные (через приобретение дополнительных конкурентоспособных знаний и умений), символические (через позиции в структурах политического влияния и авторитета), а также дополнительные социальные ресурсы. Упрочение позиций этих групп (относительное исключение составляет лишь студенчество) происходит на основе активного развития социальных сетей, ассоциаций и организаций, стилизации социальных практик. Вместе с тем группа не представляет собой целостного классового образования. Стили жизни, модели социальных практик постноменклатурных социаль-

---

¹ Использовался массив из 978 анкет, заполненных в ходе массового социологического опроса жителей г. Харькова, проведенного в июне 1998 г. Центром экономических и социально-политических исследований социологического факультета Харьковского государственного университета. Для идентификации региональных элитных групп использовались данные 200 интервью экспертов, проведенных тем же исследовательским коллективом под руководством автора в г. Харькове осенью 1998 г.

ных фрагментов, собственников-работодателей и групп высокообразованных специалистов заметно отличаются. Сформируют ли они самостоятельные классовые образования, либо произойдет координация их социальных действий — данный вопрос может стать предметом специального социологического изучения.

Совершенно иначе выглядит альтернативное социальное образование вне рыночной направленности. Оно объединяет индивидов, испытывающих заметное субъективное социальное отчуждение. Данное состояние обнаруживается как через признаки социального бессилия, самоотстранения и исключения, так и через социальный протест, выражение гнева и возмущения в отношении существующего порядка. В отличие от предыдущих социальных групп, деятельностный потенциал данного протоклассового образования не столь высок. Мобилизационная сила группы реализуется не столько через используемые ею преимущественно традиционные формы социальной активности, сколько через протестный характер действий и видимость предлагаемой социальной альтернативы. Данная группа обладает существенно более низким объемом социально значимых ресурсов, что создает объективные условия для ее эксплуатации, т.е. отчуждения части реальной стоимости труда и социального участия ее представителей представителями альтернативного протоклассового образования с последующим присвоением последними отчужденной части произведенной стоимости. Социальный состав группы определяется прежде всего рабочими разной категории (особенно квалифицированными), управленцами среднего и низшего звеньев, занятыми на предприятиях государственной сферы, а также в структурах государственной службы, пенсионерами. Специфика их социального опыта, имеющиеся ресурсы и жизненные шансы получают непосредственное отражение в социальных диспозициях и практиках. Если социальные практики первой группы в целом ориентированы на достижение жизненного успеха, то для второй группы характерны позиции и формы действий, направленные на выживание. Это — противоположные социальные миры, аккумулирующие разнонаправленные социальные силы.

Таким образом, важнейшей чертой процесса постсоветской трансформации, по крайней мере, украинского общества, можно считать проявившийся социальный раскол по линии социального отчуждения и социально-экономической эксплуатации, который институционализируется в формах специфических классовых практик и является основанием формирования классовой системы постсоциалистического общества. Получат ли закрепление эти социальные практики в формах межпоколенческой мобильности, приобретут ли они социальную устойчивость и консистентность, какую роль здесь играет социальное время — данные вопросы нуждаются в специальных исследованиях.